

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

УДК 94(47).084

ДЕТСТВО 1930-х: СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

© 2013 г.

В.А. Сомов¹, Д.В. Сомова²

¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

²ООО «1С-Парус». Н. Новгород

somoff33@yandex.ru; dvs5@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Анализируется влияние государственной политики в области воспитания на формирование личностных качеств советского школьника в период 1930-х гг.

Ключевые слова: поколение 1930-х гг., советское государство, школьное воспитание.

Современные представления о советском обществе 1930-х годов во многом находятся в русле политики «десталинизации», начатой, по признанию небезызвестного А.Н. Яковлева, еще в середине XX в.: «После XX съезда... Начался новый виток разоблачений "культы личности". Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но сама система преступна» [1, с. 14]. В полной мере реализация этой политики относится к периоду «перестройки». В контексте такого широкомасштабного стратегического «наступления» на советскую историю все более распространенным (до уровня не критического восприятия) становится мнение о всеобъемлющем (тотальном) негативном влиянии государства на формирование личности молодого человека советской эпохи. Не удивительно, что в условиях идеологического противостояния либеральной и консервативной концепций развития общества наиболее востребованной в среде критиков советского образа жизни становится точка зрения, отчетливо выраженная западными исследователями, традиционно негативно настроенными в отношении советского режима. В качестве примера достаточно привести мнение Л. Де Моза и К. Келли. Первый утверждает: «политические кошмары царской и сталинской России были точным воспроизведением кошмаров традиционного русского детства. Широко распространенные детоубийства (?! – *Прим. авт.*), жестокие побои и другие формы физического насилия над детьми становились моделью пси-

хологического насилия со стороны Кремля, КГБ и ГУЛага» [2, с. 439]. Вторая считает, что «глубочайшие институциональные сдвиги», произошедшие в положении советских детей в середине 1930-х годов, были связаны, в основном, с ужесточением дисциплины в детских домах и колониях [3]. Отечественные исследователи в период перестройки также не остались в стороне от критики в адрес советского воспитания [4, с. 47–60]. Идея о подавляющем личность тоталитарном воспитании в СССР настолько укрепилась в сознании ряда ученых, что она начинает выступать в качестве априорной концепции научных исследований. Признавая, например, позитивное влияние школьного и пионерского воспитания на формирование таких качеств, как «энтузиазм, героизм, преданность Родине, «верному делу построения коммунизма», многие авторы считают необходимым сделать «священную» оговорку, начинающуюся словом «однако». «Однако оптимизм, вера в скорое прекрасное будущее, в коммунизм, зачастую «в товарища Сталина»... затмевали неприглядную картину реальности», – пишет в своей кандидатской диссертации Л.В. Кульгускина [5, с. 21].

Вообще, анализ кандидатских и докторских диссертаций по гуманитарным наукам, посвященных изучению советского общества 1930-х гг., – предмет отдельного длительного специального исследования. Но даже беглое знакомство с текстами диссертаций по истории, педагогике, психологии, культурологии и т.д. не оставляет сомнения в существовании

определенной тенденции – большинство авторов на основе изучения фактического материала *вынуждены* (здесь и далее курсив наш. – Прим. авт.) признать конструктивную направленность государственного воздействия на подрастающее поколение, особенно в преддверии мировой войны. Но в то же время *априорный* тезис о тоталитарном (античеловечном) характере советского государства 1930-х гг. заставляет их (авторов) делать вышеупомянутые оговорки, которые только усиливают когнитивный диссонанс в восприятии исторической действительности.

В данной статье хотелось бы остановиться на тех аспектах воздействия государства на подрастающее поколение, которые можно признать наиболее эффективными, с точки зрения психологии детства, – игровой деятельности, просмотре кинофильмов и школьном воспитании. Формальный и содержательный анализ этих факторов воспитательного воздействия поможет скорректировать в сторону *беспристрастного* научного знания современные представления о советском детстве 1930-х гг.

Изучение советских игр отчетливо показывает, что основой формирования мировоззрения подрастающего поколения было осознание неизбежности войны в ближайшем будущем. Уже в 1931 г. власть и педагогическое сообщество обращают серьезное внимание на игры как на воспитательное средство. На страницах печати педагоги делятся опытом проведения игровых кампаний в летних лагерях в 1931 г. [6, с. 36–40]. Среди игр преобладают военные – «Взятие крепости», «Взорвать отряд белых», «Маневры красных партизан» и т.п. [Там же]. Игры в определенном смысле азартны, вызывают живой интерес и эмоционально окрашены. В процессе игр дети приобретают практические навыки тактики и стратегии ведения «боя», маскировки, разведки и др.

В мае 1932 г. состоялась первая сессия всесоюзного Научно-экспериментального института игрушки, которая выработала «Требования к советской игрушке в свете коммунистического воспитания» [7, ф. 2581, оп. 1, д. 405, л. 99]. Основываясь на теоретических работах Н.К. Крупской, «Требования к советской игрушке» утверждали: «В условиях обострения классово-борьбы есть "игра" и есть игра, есть игры, *вызывающие жестокость, развивающие национальную ненависть, плохо действующие на нервную систему, вызывающие азарт, тщеславие*» [Там же]. В противовес им ставились игры, «*укрепляющие волю, воспитывающие чувство справедливости, умение помочь в беде и т.п.*» [Там же].

Исключительное отношение власти к игре как к методу воспитания выразилось в принятом 21 января 1934 г. Постановлении СНК РСФСР «Об утверждении Положения о Комитете по игрушке при Наркомпросе РСФСР» [Там же, л. 111]. Уже в марте 1934 г. Комитетом был утвержден список игрушек, которые разрешались или запрещались к производству и распространению [8]. Решения Комитета были обязательными для всех организаций, производящих и распространяющих игрушку. Список также содержал недвусмысленное предупреждение: «За неподчинение данным решениям организации привлекаются к уголовной ответственности» [Там же, с. 2].

Анализ списка дает представление не только о механизме социального конструирования, но также о качествах ожидаемого «продукта». Среди игрушек, рекомендованных комитетом, «как особо ценные» преобладают механические игрушки, предметы быта, животные – всего 119 наименований. Вот первая двадцатка: 1) Двигатель с часовым механизмом; 2) Подъемный кран; 3) Умывальный прибор; 4) Чайник; 5) Буденовец; 6) Индюк; 7) Гусь; 8) Петух; 9) Еж шерстяной; 10) Еж бобровый; 11) Обезьяна большая; 12) Обезьяна малая; 13) Бульдог; 14) Мышь серая; 15) Транспортёр; 16) Автокран; 17) Миноноска; 18) Глиссер; 19) Грузовик № Н-64; 20) Трактор малый [Там же, с. 3–5].

Допущенных игрушек – 906 наименований. Среди них: столовая посуда, автомобили, сельскохозяйственная техника, животные, кукла «пионерка», кубики, пожарные, красноармейцы, револьвер, ружье, спорт-роллер (аналог современного самоката), игры: «Как ходить по улице», «Борись с вредителями», «Красная атака», «Крепи оборону СССР», «Юный фотограф» [Там же, с. 7–26]. Эти игрушки должны были «заполнить» пространство детского общения, стать проводниками государственной идеологии, средством выполнения социального заказа. Юная личность сквозь специфические свойства этих необходимых для детства предметов видится трудолюбивой, политически грамотной, смысленной, спортивной, готовой встать на защиту государства по примеру взрослых.

Запрету подлежали игрушки, способные вызывать нездоровые и ненужные с точки зрения государства эмоции и личностные качества. Запретный список содержал 293 наименования [Там же, с. 35–41]. В основном причинами запрета были характеристики – «за уродливую форму», «искаженная форма», «антихудожественное оформление», «безобразная форма». Ряд игрушек запрещались по идеологическим соображе-

ниям: «Буденовец – уродливый, окарикатуренный образ... Буржуй – идеологически вредный образ, художественно-неудовлетворительно оформление...» [Там же]. Запрещались игрушки, вызывающие эмоции, связанные с половым воспитанием: «Девочка с ребенком – не игрушка... Люльки – антипедагогическая и ненужная игрушка» [Там же]. Интересно, что были запрещены все виды игрушек-копилек («Заяц № 3 – педагогически нецелесообразная (копилка)» [Там же]). Копить деньги для своих личных нужд в условиях всеобщего строительства нового государства считалось не соответствующим коллективистской идеологии. Учить детей держать деньги «в кубышке» – занятие, противоречащее государственной финансовой политике.

Заложить основы толерантного (интернационального) общения также предлагалось, в том числе, с помощью игрушки. В 1931 г. в одной из статей журнала «Народный учитель» этот вопрос рассматривался в контрастном сравнении с недавним прошлым: «Раньше продавались куклы: негры, китайцы смешного карикатурного вида. Надо изъять существующие до сих пор такие игрушки, заменив их подлинным изображением трудящихся других национальностей» [9, с. 123].

Внимание к практически портретному изображению игрушечных представителей других национальностей и рас должно было, по мнению создателей, воспитать соответствующее отношение к их представителям в реальной жизни: представитель другой национальности и расы – не игрушка, не «петрушка», а – человек. Вот почему встречавшиеся среди игрушек образцы, не отвечавшие этим требованиям, либо отправлялись на доработку, либо не допускались к производству вообще. Так, например Комитет по игрушке Горьковского областного отдела народного образования 7 января 1936 г. вынес следующую резолюцию по игрушкам: «Китаец – допустить. Переработать уши и лучше окрашивать голову (волосы). Туфли дать снимающимися. Негр – в данном виде запретить. Голову исправить по образцу автора. Одежду дать снимающуюся, туфли – тоже» [7, ф. 2581, оп. 1, д. 1600, л. 1].

Практически неограниченные возможности игрушки в плане формирования личностной установки ребенка использовались властью для направления его деятельности с учетом перспективного решения созидательных и оборонных задач. Будущий строитель и защитник Родины должен был обладать соответствующими качествами и личностными характеристиками. Игрушки в процессе его воспитания, по мнению

сотрудников Загорского научно-экспериментального института, соответственно должны были отвечать определенным параметрам. Так, спортивные игрушки для детей 7–12 лет должны были вырабатывать: «точность глазомера, ритмичность, быстроту, *сообразительность*, ловкость, умение соизмерять свои силы и координировать движения» [7, ф. 2581, оп. 1, д. 405, л. 103]. Конструктивно-технические игрушки должны были быть реалистичными «в смысле правильности передачи технической формы, принципов разборности, скреплений и принципов движения» [Там же]. Познавательные игрушки координировались с программными материалами преподаваемых в школе предметов: «обществоведения, математики, естествознания, техники, географии и политехнического труда» [Там же].

Наряду с поощрением развития физических качеств и сообразительности власть вскоре запретила те виды игровой деятельности, которые могли посеять сомнение или просто сформировать у молодого человека альтернативный взгляд на окружающую его действительность. Приказом Наркомпроса РСФСР № 714 от 9 сентября 1936 г. категорически запрещалось проводить с детьми игры «вредные» с точки зрения политической дезориентации школьников. Запрещались игры «политизированные», профанирующие и вульгаризирующие политическое образование, например: «политбой», «политвикторина», «полит-удочка», «друзья и враги народа», «политкегли» и тому подобные» [10, с. 5]. Под запрет попадали «все "левацкие", явно враждебные виды игр типа "голосование", или "кто за кого", провоцирующие детей на нелепые или неправильные ответы» [Там же]. В силу специфики игры как соревнования при наличии двух соревнующихся сторон непригодными были признаны игры, «ставящие отдельные группы играющих или одного участника в положение, враждебное пролетариату: "Красные и белые", "Белый, где ты?", "Под обманом соглашателей", "Бойтесь ли фашиста?", "Рабочие и прогульщики" и тому подобные» [Там же]. Кроме этого были запрещены игры, «связанные с расплатой за проигрыш, носящие характер физической расправы», и игры, «оскорбляющие достоинство ребенка» [Там же]. Такая жесткая регламентация одного из основных видов деятельности ребенка имела явно выраженную направленность – добиться от подрастающего поколения позитивного единства в восприятии советской действительности и не допустить политической дезориентации в преддверии грядущей мировой войны.

Понятно, что в силу разных (моральных и физических) факторов игры, развивающие ловкость и т.п., были доступны не всем детям. В то же время игровая социальная среда ребенка как формирующейся личности кого-то принимала, а кого-то «выталкивала», нанося этим серьезную психологическую травму. Детская потребность в признании со стороны сверстников часто «конфликтовала» с государственным воспитательным «заказом». Такие дети уже с детства ощущали себя если не изгоями, то, по выражению А.А. Зиновьева, «отщепенцами». Может быть именно из этих детей формировались будущие «антисоветчики»?

В период НЭПа в жизнь советского человека, особенно горожанина, все более входил кинематограф. Причем коммерциализация проката диктовала демонстрацию, в основном, низкопробных картин иностранного производства. Это не могло не сказаться на моральном облике подрастающего поколения. Специальные исследования, проведенные в середине 1920-х гг. на Украине профессором П.И. Люблинским, показали связь роста детской преступности и содержания «коммерческих» фильмов. Ученым отмечались случаи «не только обострения нервного состояния под влиянием кино (кошмарные сны и т.п.), но и преступлений, совершенных подростками под впечатлением фильма (поразительное хладнокровие во время совершения преступлений, так как действительность кажется скудной и скучной после виденного на экране)» [11, с. 9].

Очевидно, что такое положение было нетерпимым со всех точек зрения, и государство, по мере формирования материальных условий, начинает исправлять ситуацию, используя кино в качестве воспитательного ресурса. В советской литературе, посвященной детскому кино, отмечалось: «Несомненно огромный интерес детей к кино. Да это и не удивительно. Кино является наиболее массовым из искусств. Оно наиболее доступно даже неподготовленному зрителю, впечатляюще действует на детскую психику и возбуждает в ней ряд ассоциаций... Нельзя также отрицать значения детского кино как развлечения. Известно, что ребенок, получая соответствующий материал развлечения, одновременно поддается определенному воспитательному воздействию. Нужно использовать такое мощное орудие, каким является кино, для воспитания нашего юного поколения *в нужном партии и советской власти направлении*» [12, с. 61–62].

Повышенное внимание партии и государства к работе с детьми выразилось в организации специальных детских киносеансов. Так, в период с 15 июля 1928-го по 1 марта 1929 г. в Арзамасском кинотеатре «Искра» было проведено 10 специальных детских киносеансов. Фильмы посмотрели 4500 детей [7, ф. 2581, оп. 1, д. 8, л. 203]. Демонстрировались фильмы советского производства: «Водоворот», «Свежий ветер», «Не все коту масленица», «Шакалы Равата», «Заря», «Зеленый шум», «Счастливые черепки» и др. [Там же, л. 205]. Все они не являлись специальными детскими фильмами, но в детской аудитории воспринимались позитивно, без критического «отторжения», поэтому детский кинозритель был на особом счету.

Практика специальных кинопоказов для детей предполагала важное педагогическое «дополнение» – вступительное слово и последующее обсуждение картины, что многократно повышало ее идеологическое воздействие. В отчете о детской и школьной киноработе в Горьковском крае за 1-е полугодие 1933 г. говорилось: «Преобладали большей частью следующие формы работы: *вступительное слово, музыкальное сопровождение, выставки, небольшие доклады на тему фильма, громкие читки и т.д. Обсуждение и пояснение фильма проводилось в классах с педагогами*» [13, ф. 2, оп. 1, д. 2507, л. 86].

Позже стали практиковаться детские кинофестивали. Проводились они, как правило, в дни школьных каникул. Местные органы ВКП(б) составляли для организаторов фестивалей специальные инструкции, которые определяли в качестве задач – «содержательный и интересный отдых детей во время каникул» и «широкое использование кино для коммунистического воспитания детей» [13, ф. 3, оп. 1, д. 283, л. 12]. Например, такой детский кинофестиваль проходил с 1 по 10 января 1937 г. в Горьковской области. Кинофестиваль проводился в районных кинотеатрах, в крупных населенных пунктах и школах, где имелись свои стационарные установки, а также там, где было возможно использование кинопередвижек [Там же].

Интересно, что в первую очередь билеты на участие в кинофестивале получали отличники учебы, причем распределением билетов ведал районный комитет ВКП(б) или его уполномоченный [Там же, л. 13]. Фестиваль был проведен в 8 районах г. Горького и 32 районах области. По сведениям из районов, во время кинофестиваля фильмы посмотрели 125 000 ребят [Там же, л. 19].

Вот наиболее характерные отзывы детей о просмотренных фильмах. Пионерка Таня Митрошина: «Во время зимних каникул я просмотрела три кинокартины. Особенно понравилась мне картина «Коллежский регистратор». Я плакала, и мне не было стыдно, потому что рядом со мной сидели и тоже плакали. Вот какое впечатление произвела на меня картина» [14, с. 783]. Костя Абрамов: «5 и 6 января надолго останутся в нашей памяти. Ведь мы, никогда не видевшие звуковое кино, в эти дни его увидели. Смотрели картины: «По следам героя» и «Гибель эскадры». Картины нам очень понравились и от всего сердца благодарим обком комсомола» [Там же.]. Оля Кутузова: «Из просмотренных кинокартин мне больше всего понравился фильм «Джюльбарс». Старик Шамурад, колхозник пограничного колхоза, предан своей родине и стойко стоит за нее. И мы, ребята, должны всем сердцем любить нашу дорогую родину, как любит ее старый Шамурад» [Там же.].

Долг, ответственность, дисциплина, патриотизм – культивируемые государством качества советского школьника. Не случайно присяга, как морально-правовая форма ответственности, сопровождала советского человека с детства и до зрелого возраста. Обращает на себя внимание торжественная форма и обстоятельства пионерской клятвы, которая принимала характер ритуала посвящения. Прием в пионеры приурочивался обычно к главнейшим советским праздникам (1 Мая, 7 Ноября). Торжественная клятва, произнесенная в присутствии сверстников, взрослых, родителей, общественности, представителей партии и комсомола [15, с. 78] производила неизгладимый эффект в сознании юного пионера, активизировала чувство ответственности и долга, удовлетворяла потребность в признании (по А. Маслоу) [16].

Текст клятвы являлся своеобразной формулой, атрибутом новой социальной общности со своими понятиями о чести и достоинстве [15, с. 80]. Практическое участие детей в социально-политических мероприятиях власти усиливало в сознании молодого поколения воздействие идеологических установок. Желание подражать взрослым, быть частью организации, участвовать в проводимых ею мероприятиях, играх и т.п. [17, с. 51] формировало у детей потребность в признании со стороны сверстников. Параллельно с этим в духовную структуру личности органически «встраивалось» чувство ответственности и долга перед обществом.

Воздействие государства на формирование духовных качеств личности во многом связано со школьным образованием. 3 сентября 1935 г.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают Постановление «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе». В документе отмечалось: «В основу правил поведения учащихся положить строгое и сознательное соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и старшим, привитие культурных навыков, бережливое отношение к школьному и общественному имуществу, а также меры решительной борьбы с проявлением хулиганства и антиобщественным поступкам среди детей» [18, с. 704]. «Правила для учащихся» появились уже в годы войны. Утвержденные СНК РСФСР 2 августа 1943 г., эти Правила не только показывают направление развития советской педагогической мысли, но и отражают концепцию социального поведения советского человека. Следование этим правилам должно было, по замыслу их создателей, сформировать личность, направленную на приоритет общественных интересов. Учеба рассматривалась не столько как личная необходимость, сколько как процесс общегосударственного значения. Школьник, согласно правилам, должен был «упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы Советской Родине» [19, ф. 9550, оп. 6, д. 340, л. 1].

Чувство долга как определяющая установка личности была настолько действенной, что даже приобретенный послевоенный и постсоветский опыт не внесли существенных изменений в ценностную ориентацию изучаемого поколения. Исследования, проведенные в марте 2000 г. Ю.А. Левадой, показали, что более 50% опрошенных представителей т.н. поколения «сталинизма» считают чувство долга «очень важным» в структуре ценностных показателей [20, с. 50].

Безусловно, одним из самых важных учебных предметов в процессе воспитания патриотизма у нового поколения была история. Как известно, новые принципы преподавания были заложены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 15 мая 1934 г. [21]. Воспитательная концепция второй половины 1930-х годов органически отражала оборонительно-патриотические тенденции в идеологии советского государства. Тактический отказ от курса на мировую революцию не снимал, а, напротив, еще более актуализировал вопросы мобилизационной готовности граждан страны в любой момент встать на защиту своей Родины. Связь мировоззрения, патриотизма и военизации школы прямо

подчеркивалась методистами [22, с. 89]. Уроки истории приобретают, по сути, мобилизационный, военизированный характер: «Надо помнить, что мы воспитываем не пацифистов, мечтающих о мирной ликвидации войны: советский ученик должен понять, что война является неизбежным порождением классового общества. Наша социалистическая родина живет в капиталистическом окружении. Фашистские правительства открыто говорят о нападении на Советский Союз. Поэтому нужно воспитывать у советских учеников готовность отразить фашистских агрессоров, вызвать *сознание необходимости быть готовым* к отпору, т.е. усиливать мощь и техническое оснащение Красной Армии, которая в случае нападения на нашу родину должна бить врага на его территории» [Там же, с. 91–92].

Как следствие – в сознании подрастающего поколения начала формироваться система ценностей, которая включала в себя любовь к Родине и готовность защищать ее с оружием в руках, что полностью соответствовало исторической ситуации – необходимости выживать в окружении далеко не дружественных соседей. Например, генерал В.И. Манойлин (1929 г.р.) так оценивал результаты школьного образования: «Если перевести на казенный язык все то, что в каких-то образах, понятиях, мыслях наполняло мою детскую голову, и попробовать все это систематизировать, получится примерно следующее:

– социализм, а затем и коммунизм – единственный образ жизни, к которому надо стремиться;

– мировая социалистическая революция неизбежна, надо все делать, чтобы она произошла как можно скорее;

– буржуазия ни за что не успокоится и начнет войну с СССР, война будет скоро, надо готовиться;

– Сталин приведет нас к победе» [23, с. 26].

При этом школьное воспитание в целом было ориентировано на создание позитивного эмоционального фона формирования детской психики. На уроках по обществоведению, например, в 1934/35 учебном году третьеклассникам говорили: «Советский школьник должен быть вынослив, настойчив и смел. Он доводит начатое дело до конца, он не боится опасностей, *не ноет, не хнычет*. Стране нужны отважные и смелые люди. Физкультура и спорт делают ребят здоровыми. Физкультура и спорт развивают смелость, силу и сноровку... Советский школьник умеет *веселиться*» [7, ф. 2581, оп. 1, д. 949, л. 63].

В результате такого, конечно, не идеального и не безошибочного воспитательного воздействия со стороны государства была сформирована социально-политическая основа советской власти. Известная американская исследовательница Ш. Фицпатрик признает: «Городская молодежь, а также многие молодые крестьяне, имеющие некоторое *образование*, по-видимому, усвоили советские ценности, которые ассоциировались у них с отречением от всего нудного, продажного, беспринципного, старого, рутинного, и *всей душой* приняли советские идеалы. Они готовы были на любой риск во имя советской власти» [24, с. 268]. Видимо, прав был И.В. Сталин, когда в беседе с писателем Г. Уэллсом 23 июля 1934 г. говорил, что образование – «это *оружие*, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить» [25, с. 26]. Сформированное в 1930-х гг., это оружие в 1941–1945 гг. ударило по фашизму.

Список литературы

1. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 6–32.
2. Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
3. Келли К. Дети государства // Глава из книги Kelly C. Children'sWorld: Grow-ingUpin Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007 // Электронный ресурс: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_58/2390-deti-gosudarstva-1935–1953.html
4. Нанивская В.Т. Анатомия репрессивного воспитания (как создавалась отечественная школа) // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 47–60.
5. Кульгускина Л.В. Государство и молодое поколение в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности: Автореф. дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2005. 22 с.
6. Яковлев В. Игры – на службу подготовке наших ребят к труду и обороне // За коммунистическое воспитание. 1932. № 6. С. 36–40.
7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
8. Список игрушек разрешенных и запрещенных комитетом по игрушке наркомпроса РСФСР. Вып. 1 за время с 19 марта 1934 г. М. – Л.: КОИЗ, 1934. 30 с.
9. Розенталь Э. Об игрушке и «петрушке» // Народный учитель. 1931. № 10–11. С. 121–125.
10. О детских играх. Приказ по Наркомпросу № 714 от 9 сентября 1936 г. // В помощь учителю: методический бюллетень ЛООНО. 1936. № 6. С. 5–7.
11. Вайншток В., Якобзон Д. Кино и молодежь. М. – Л.: б/и, 1926. 46 с.
12. Рудой Я.Б. Боевые вопросы политики кино. М.: Театропечать, 1930. 52 с.

13. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).
14. Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. Т. 2. М.: ИРИ РАН, 2005. 1152 с.
15. Вожатому села. Хрестоматия для курсов вожатых деревенских пионеротрядов. М.–Л.: Молодая гвардия, 1930. 216 с.
16. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
17. Страницы истории юных ленинцев. М.: Педагогика, 1976. 192 с.
18. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 19 сентября 1935 г. № 47.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
20. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–60.
21. О преподавании гражданской истории в школе. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 15 мая 1934 г. // Электронный ресурс: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624>
22. Андреевская И. Воспитательная работа на уроках истории // Исторический журнал. 1937. № 12. С. 89–92.
23. Манойлин В.И. Базирование Военно-морского флота СССР. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. 320 с.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
25. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934 – июнь 1941. М.: Информационно-издательский центр «Союз», 2007. 802 с.

CHILDHOOD OF 1930s: SOVIET POLICY IN THE SPHERE OF YOUTH UPBRINGING

V.A. Somov, D.V. Somova

The article analyses the influence of the State's policy in the field of upbringing on formation of personal qualities of Soviet schoolchildren during the 1930s.

Keywords: generation of 1930s, Soviet State, school upbringing.